

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ: «ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ БЫЛА ЭМОЦИОНАЛЬНО СВЯЗАНА С РОССИЕЙ»

Аннотация

Распространение подлинных, неискаженных сведений о России становится исключительно важным в качестве «мягкой силы» для борьбы с тотальной русофобией, получившей небывалое распространение в сегодняшнем мире. Особенное значение приобретает внимание к русской мысли со стороны высококвалифицированных и благонастроенных к ней иностранных ученых, посвятивших исследованию истории русской мысли всю свою жизнь. Среди них выдающееся место принадлежит всемирно известному польскому ученому Анджею Валицкому, взгляды которого на интеллектуальную историю России кратко представлены в настоящей статье. Это дань уважения академику Анджею Валицкому за его глубокие исследования, получившие академическое признание в современной России. Основной корпус трудов Валицкого опубликован на английском и польском языках и все еще недостаточно известен русскому читателю. Автор этих строк использовал в настоящей статье материалы дружеской научной переписки с Анджеем Валицким.

Ключевые слова: Анджей Валицкий, русская интеллектуальная история, русские исследования, Варшавская школа истории идей, Сергей Гессен, Исайя Берлин.

Автор

Маслин Михаил Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

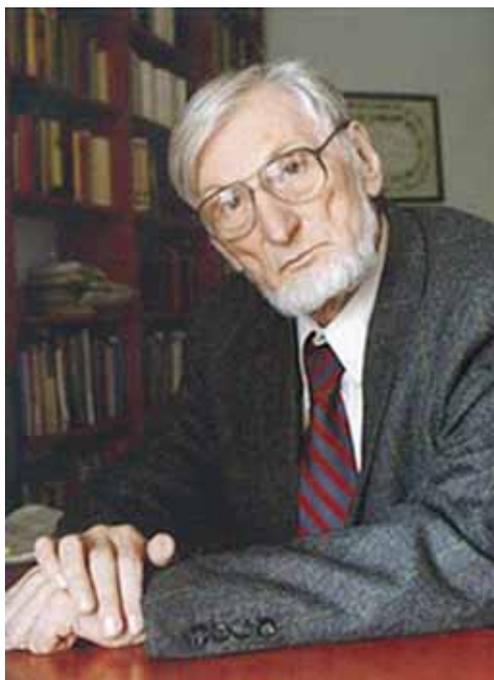
В качестве названия настоящей статьи использована цитата из письма Анджея Валицкого от 24.09.2017 к автору этих строк. Эта цитата продолжается следующими словами: «...а теперь как раз мои работы о русской мысли начали входить в оборот русской культуры, что меня очень радует. В наше время особенно нужны положительные русско-польские связи, именно потому, что теперь политическая атмосфера (давно уже плохая, по моему мнению, без вины России) невероятно и опасно ухудшилась». Подтверждением вхождения в научный оборот работ Валицкого в России является настоящая статья, основанная на эмпатии и глубоком уважении автора к трудам польского ученого.

Анджей Валицкий (Andrzej Walicki) родился 15 мая 1930 г. в Варшаве. Он

является всемирно известным историком русской философии, автором более двадцати книг на польском и английском языках. Ряд его монографий переведен на русский, итальянский, японский, испанский, украинский языки. Валицкий — гражданин Польши и США. Окончил Варшавский университет (1953). Заслуженный профессор Польской Академии наук и университета Нотр Дам (Индиана, США). Действительный член Польской Академии наук (1998). Работал на факультете социологии Варшавского университета (1958–1960), в Институте философии и социологии Польской Академии наук (1960–1981). В качестве приглашенного профессора работал в университетах Англии, США, Австралии, Австрии, Дании, Японии, Швейцарии. Анджей Валицкий — лауреат престиж-

ной международной премии Бальцана (1998). Этой премии удостоены такие философы, как Рикёр (1999) и Левинас (1989). Премия Бальцана — международная премия за высшие достижения в науке и культуре, учрежденная дочерью итальянца Эудженио Бальцана (итал. Eugenio Balzan; 1874–1953), совладельца газеты «Коррьере делла Сера».

Отец Валицкого, искусствовед, был в ПНР подвергнут репрессиям за сотрудничество во время Второй мировой войны с польским эмигрантским правительством в Лондоне. На изучение России Валицкого натолкнули, по его собственному признанию, два обстоятельства: знакомство с русским эмигрантом С.И. Гессеном, близким другом его семьи, и обстановка польской «оттепели» 1955–1956 гг. С.И. Гессен с 1935 г. жил и работал в Польше, дружил с родителями Валицкого и оказал существенное интеллектуальное влияние на Валицкого-гимназиста своим глубоким знанием русской культуры и философии. Поэтому Валицкий охотно поступил на обучение по специальности «русская филология» в Лодзинский университет (затем он перевелся в Варшавский университет). Формально обучение по специальности «философия» было ему запрещено, ввиду отцовской «неблагонадежности». Благодаря филологической выучке Валицкий превосходно говорит по-русски; можно сказать, что его русский язык выглядит несколько старомодно, настолько он правилен, что сегодня не так уж часто встречается, особенно среди молодежи. В письме к автору статьи от 24.03.2016 Валицкий пишет, что «первым учителем ... был для меня, к моему большому счастью, замечательный русский мыслитель, философ и теоретик правового государства, глубокий знаток идей Достоевского и Владимира Соловьёва, Сергей Гессен. Его отец, Иосиф Гессен, был в дореволюционной России (вместе с Августом Каминкой) редактором влиятельного еженедельника «Право», провозгласив-

Анджей Валицкий

шего борьбу за справедливое право. После революции Иосиф Гессен тесно сотрудничал с Павлом Ивановичем Новгородцевым в издаваемой в Германии кадетской газете «Руль», а его сын Сергей развивал идеи Новгородцева в своей критике марксизма и в концепции развития правового государства, провозглашавшей (вслед за Новгородцевым) незыблемость права человека на «достойное существование». Право это, ставшее фундаментом эволюции либерализма в сторону «welfare state», провозгласил также английский «новый либерализм» начала XX в. (который нельзя смешивать с современным нам «неолиберализмом», вернувшимся к апологии так называемого «свободного рынка»). Новгородцев и Сергей Гессен прекрасно знали об этом, но справедливо указывали, что в России неотъемлемое право человека на «достойное существование» провозгласил уже Владимир Соловьёв.

В университетские годы Валицкий приходит, по его собственным словам, к пониманию «глубоких различий

между официальным марксизмом-ленинизмом и подлинной марксистской традицией». Валицкий в те молодые годы даже полагал, что Польша «могла бы быть катализатором внутренней трансформации в России». В отличие от идеологизированных «русских исследований» того времени Валицкий по-настоящему вдохновлялся изучением наследия Достоевского и русской поэзии Серебряного века. В 1959 г. в Польше выходит его книга «Личность и история в русской мысли девятнадцатого века», центральной темой которой становится рассмотрение на русском материале «конфликта между свободой и исторической необходимостью». Валицкий примыкает к группе ревизионистов марксизма во главе с известным философом Лешек Колаковским, автором нашумевшей книги «Главные направления марксизма» (в советское время она была в спецхране). Правда, в отличие от других членов этой группы Валицкий не был в прошлом коммунистом, но разделял общие методологические установки ее членов. Впоследствии эта группа стала называться Варшавской школой истории идей.

В 1960 г. Валицкий получил исследовательский грант фонда Форда для работы в США и Англии. Важное значение для всей его последующей научной судьбы имела встреча во время этой стажировки с известным английским философом русско-еврейского происхождения Исайей Берлином. Переписка и воспоминания о Берлине были опубликованы Валицким в отдельной книге «Встречи с Исайей Берлином. История интеллектуальной дружбы» [1]. Берлин родился в Риге, но высшее образование получил в Англии и, будучи мыслителем либерального и рационалистического склада, не испытывал особого интереса к русской религиозной философии. Самым любимым его русским мыслителем был А.И. Герцен, которого он считал одним из трех «главных пророков» России, наряду с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоев-

ским. Берлин — блестящий стилист и его книга «Русские мыслители» — одно из лучших в литературном отношении авторских произведений западной русистики. С.И. Гессен, которого Валицкий называет своим первым учителем, был носителем иного стиля, он воспитывался в России в атмосфере Серебряного века и сформировался как мыслитель, глубоко ценивший традиции русского философского идеализма. И это отношение к русской мысли было в равной мере усвоено Валицким.

В 1964 г. Валицкий защитил докторскую диссертацию, посвященную славянофильству и славянофильско-западническим спорам. Английское издание: *The Slavophile Controversy* (1973, 1975), итальянское издание: *Una Utopia Conservatrice. Storia degli Slavofili* (1973). Данная работа Валицкого получила также определенную известность в СССР среди историков русской философии — профессионалов. Выбор славянофильства для историко-философского исследования Валицкий объяснял тем, что славянофилы, как и другие представители русского консерватизма, почти полностью игнорировались советскими авторами. Тогда как взгляды западников, если и рассматривались, то в искаженном виде, в духе известной борьбы против космополитизма. Таким образом, монография Валицкого объективно восполняла пробел в исследовании философии славянофилов, существовавший в историко-философской науке. Современные историко-философские исследования о славянофильстве на русском языке тогда отсутствовали, а немногие западные работы принадлежали славистам или историкам, слабо знакомым с историко-философской проблематикой.

Книга Валицкого не была основана на марксистской методологии и потому в СССР не пропагандировалась, скорее стала широко известной в узких кругах. Настоящую известность в России работа Валицкого о славянофилах, вместе с другими работами польского ученого,

получила с опозданием, уже в постсоветское время, когда был впервые осуществлен перевод его монографии [2]. Новым в трактовке Валицким теоретического наследия славянофилов являлось соотношение славянофильского антитезиса «Россия — Европа» с обоснованным немецким социологом Фердинандом Тённисом противопоставлением *Gemeinschaft* и *Gessellschaft* (община и общество). Валицкий также опирался на методологию Макса Вебера и Карла Мангейма, рассматривая славянофильство в качестве специфической разновидности европейского консервативного романтизма.

Другим объектом историко-филологического исследования Валицкого становится русское народничество. Начавшиеся в СССР в 20–30-х гг. XX в. исследования идеологии революционного народничества, как известно, были прекращены по прямому указанию Сталина после выхода в свет в 1937 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». Там народничество без всяких на то оснований было объявлено злейшим врагом марксизма. В действительности именно народники начали распространение идей марксизма, переведя I том «Капитала» на русский язык (1872). Поэтому, согласно Валицкому, следует говорить не о неприятии, но, наоборот, о «народнической рецепции марксизма», прежде всего социально-экономического учения Маркса. Даже такой личный враг Маркса, как М.А. Бакунин, будучи анархистом, разделял идеи «Капитала» и принимался за его перевод на русский язык. В СССР исследования о народничестве возобновились только в 1960-х гг., а в постсоветское время, к сожалению, были свернуты, за очень редкими исключениями, поскольку установилось всеобщее увлечение историей религиозной философии. В 1965 г. на польском языке была опубликована двухтомная антология русского народничества с большим предисловием Валицкого. Он выступил в Оксфорде с курсом лекций о народни-

честве в качестве участника семинара Исаяи Берлина. Итогом этих лекций стала его вышедшая на английском языке монография «Спор о капитализме. Исследования социальной философии русских народников» [3]. Впоследствии эта книга была переведена на испанский, итальянский и японский языки.

В отличие от советских авторов, исследовавших преимущественно идеологию революционного народничества, Валицкий не проводит резких различий между революционным и легальным народничеством, делая акцент не на степени политической оппозиционности народничества по отношению к царизму, а на его теоретическом содержании в качестве специфического идейно-философского течения. Народничество рассматривается им в качестве первой серьезной попытки теоретического осмысления социально-экономической проблематики «периферии капитализма». Специальное внимание при этом уделяется анализу теоретического спора между народничеством и марксизмом, в особенности народнической критике того, что Валицкий называет «историческим детерминизмом» марксизма. обстоятельное изучение Валицким наследия народников свидетельствовало о его отнюдь не конъюнктурном, но целостном подходе к освещению русской интеллектуальной истории, поскольку польский ученый равным образом внимательно изучал различные мировоззренческие варианты русской мысли.

Следующей крупной работой Валицкого, наряду с многочисленными статьями, посвященными русской мысли XIX в., в польских журналах, явилось упомянутое выше обобщающее исследование истории русской мысли от Просвещения до Владимира Соловьёва и раннего марксизма. По-польски это исследование было опубликовано в 1973 г. По-английски оно публиковалось в США и Великобритании неоднократно, в 1977, 1979 и 1980 гг. [8]. О популярности этой книги на Западе

свидетельствует то, что Стэнфордский университет переиздавал ее в бумажном переплете ежегодно, начиная с 1981 до 2005 г. Имеется также британское аналогичное издание (rareback) 1988 года. Фактически это означает, что именно эта книга является за рубежом главным руководством по изучению русской интеллектуальной истории.

В 1981 г. Валицкий принял приглашение Австралийского национального университета в Канберре, где работал в течение пяти лет, а затем, с 1986 г., преподавал русскую интеллектуальную историю в течение ряда лет в университете Нотр Дам (Индиана, США). Итогом его работы в отделе истории идей Австралийского национального университета стало опубликование монографии «Философия права русского либерализма», дважды вышедшей в свет на английском языке [5].

Недавно опубликован русский перевод этой книги [4]. В предисловии Анджей Валицкий пишет: «Представленные в этой книге идеи русских либеральных философов права могут быть соотнесены с проблемами современной России. Они заслуживают серьезного внимания в текущей дискуссии о будущем России» [4. — С. 11]. Ее основные положения были изложены в России польским философом еще в 1991 г., в докладе, сделанном в Институте философии РАН. Ко времени написания данной книги Валицкий, по его собственным словам, пришел к убеждению, что общество «реального социализма» ожидает неминуемый крах, не только в Польше, но и в Советском Союзе. Отсюда его обращение к тем философско-правовым идеям, которые могли бы стать основой политического и социального возрождения России на основе главенства права. В качестве представителей этой философско-правовой линии Валицкий представил Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьёва, С.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского и своего первого учителя С.И. Гессена.

Книга основана на оригинальной методологии, развивающей ранее использованную А. Валицким в применении к анализу философии славянофилов концепцию Ф. Тённиса о *Gemeinschaft* и *Gessellschaft* (общине и обществе). В области философии права это означает, что, с известным приближением, все многообразие философско-правовых концепций можно разделить на три парадигмы. При этом парадигма «*Gemeinschaft*» представляется как общинно-семейная (олицетворение правового консерватизма), «*Gesellschaft*» — как индивидуалистическая и, кроме того, выделяется третья, особая, парадигма — административно-бюрократическая. Либеральные концепции права в такой типологии в целом тяготеют к построениям типа «*Gesellschaft*», основанным на примате личности и ее свободы и защищающим ее автономию на основе закона. Эти построения в рамках русской традиции философии права созвучны аналогичным европейским идеям и не содержат «ничего специфически русского».

В этом плане, как и в своей общей оценке национального своеобразия русской философии, Анджей Валицкий сохраняет верность своей общей методологической установке, согласно которой русская философия является органической частью общеевропейской философской мысли и потому может и должна рассматриваться в сравнении с ней, а не в противопоставлении. Вместе с тем, несмотря на достаточную развитость философских обоснований права в рамках русского либерализма, эти обоснования были слабо укоренены в реальной жизни, которая имела свою логику и управлялась на основе административно-бюрократической парадигмы права. Рассмотренные Валицким русские концепции философии права объединяло общее непринятие позитивизма, что составляло своеобразие русской школы «возрожденного естественного права». К этому надо добавить то, что

высокий теоретический уровень философско-правовых построений русских либералов вовсе не был гарантией их реализации. Оторванные от жизни интеллигентские представления на протяжении многих поколений не учитывали того, что у народа своя правда. Это глубокое противоречие и стало одной из причин русской смуты в XX в., разлива бунтарски настроенной народной стихии и Гражданской войны.

Другую весьма ценную особенность философии права русского либерализма, в том числе интересную и в современном контексте, Валицкий усматривает в том, что по мысли русских философов власть закона вполне мыслима без полной политической свободы, но не наоборот. Чичерин и Соловьёв, а вслед за ними и другие русские философы права стремились к тому, чтобы политическая борьба велась в строгих рамках права. Иначе говоря, они исповедовали принцип, согласно которому правовые установления не могут определяться «политической целесообразностью», ибо закон диктует правила для политики, а не наоборот. Именно на этом принципе, как представляется, основывается убеждение Валицкого в том, что сегодня существует «реальная возможность творчески использовать наследие этих мыслителей в деле превращения России в правовое государство» [4. — С. 23].

Последним по времени и самым крупным проектом, осуществленным Валицким, стало издание в 2005 г. в Кракове, в издательстве Ягеллонского университета, монографии «Очерк русской мысли. От Просвещения до религиозно-философского ренессанса» [6]. Эта большая книга (862 с.) является продолжением «Истории русской мысли от Просвещения до марксизма» [8], она охватывает историю русской мысли от XVIII в. и до эпохи религиозно-философского возрождения, включая таких его представителей, как Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и Л.П. Карсавин. Книга

снабжена именным указателем и подробнейшим списком литературы на русском и иностранных языках.

Есть все основания считать, что опубликование новейшей монографии Анджея Валицкого является событием для истории русской мысли. Эта книга не может быть незамеченной, она заставляет по-новому оценить и переоценить результаты исследований в этой области за последние более чем 30 лет, в том числе позволяет отбросить некоторые укоренившиеся штампы и стереотипы. Особенно важно подчеркнуть, что работа Валицкого является основой для реального диалога не только между российским и польским, но и, в целом, зарубежным руссиеведением. В 2015 г. вышел в свет английский перевод польского издания монографии Валицкого 2005 года [7]. Этот новейший вариант книги содержит 23 главы, разбитые на 5 разделов, выделенных по хронологическому и предметному принципу. I раздел «От Просвещения к Романтизму» состоит из глав: «Направления и тенденции просветительской мысли» (1); «Кульминация Просвещения в России: Александр Радищев» (2); «Политическая философия в эпоху Александра I» (3); «Антипросветительские течения начала XIX в.» (4); II раздел посвящен эпохе царствования Николая I и включает главы: «Пётр Чаадаев и религиозное западничество» (5); «Славянофильство и другие версии антизападничества» (6); «Русские гегельянцы: от «примирения с действительностью» к «философии действия» (7); «Белинский и различные варианты западничества» (8); «Петрашевцы» (9); «Истоки «русского социализма»» (10); III раздел «Социальные и политические идеологии в период Реформы и Контрреформы» включает главы: «Николай Чернышевский и «просветители шестидесятники» (11); «Консервативные идеологии после Крестьянской реформы» (12); «Народнические идеологии» (13); «Анархизм» (14); «Борис Чичерин и консервативный

либерализм» (15); «Между народничеством и марксизмом» (16); IV раздел «Философская и религиозная мысль в пореформенной России» включает главы: «Писатели-пророки» (17); «Владимир Соловьёв и метафизический идеализм» (18); «Варианты позитивизма» (19); «Метафизический идеализм» (20); V заключительный раздел «От рубежа столетий к последствиям Первой революции» состоит из глав: «Три варианта марксизма на рубеже столетий» (21); «Кризис марксизма и интеллектуальное становление религиозно-философского Ренессанса» (22); «Религиозно-философский Ренессанс и рефлексия опыта Первой революции» (23).

Достоинства этого большого монографического исследования отнюдь не исчерпываются его историографической полнотой, логичностью построения, широтой и фундаментальностью охвата материала, ясностью научного языка. Это научное издание, основанное на самостоятельном авторском анализе русских первоисточников, а не на переводах и чужих стереотипных мнениях, что нередко свойственно зарубежному «взгляду со стороны». Разумеется, автор отдает дань уважения своим предшественникам, польским, британским и американским историкам русской мысли, а также многим мыслителям русского происхождения, с которыми он общался во время своей работы за рубежом. В числе последних — Георгий Флоровский, Питирим Сорокин, Евгений Ламперт, Сергей Утехин, Николай Зёрнов.

Андрею Валицкому в силу счастливого стечения жизненных обстоятельств удалось лично общаться и с учеными-эмигрантами, и с представителями первого послевоенного поколения британских и американских специалистов в области русской интеллектуальной истории. Вот почему монографию «Поток идей» можно считать сочинением последнего из

могикан, творчески транслирующим для нас драгоценный опыт и традиции предшественников, пока еще слабо усвоенные в России в полном объеме. В ответ на эту мою характеристику Валицкий ответил следующее (письмо от 18.03.2016): «Вы убедили меня, что в каком-то смысле я действительно могу считаться «последним из могикан» важного периода развития «Russian studies», в котором оформилась идея «русской интеллектуальной истории». Кстати, отцами этой идеи следует назвать британских ученых (по происхождению русских евреев): Леонарда Шапиро из London School of Economics, автора авторитетной истории советского коммунизма (1960), и, конечно, Исайю Берлина: эти два человека, хорошо мне известные, были учителями главных пионеров американских Russian studies, таких как Malia, Kline, Pipes, Riasanovsky, Billington (среди которых только Пайпс дистанцировался потом от этих своих учителей). Я был близок ко всем этим людям, включая Шапиро (который был очень заинтересован моими взглядами на народничество в связи с марксизмом и обратил мое внимание на Чисерина), дружил с Малиа, а для Берлина я был ближе всех, из-за интереса к философским идеям; а также из-за моей симпатии к нравственным установкам и умственным традициям русской интеллигенции. Важно добавить, что все эти люди (исключая Пайпса) были русофилами, мечтавшими об освобождении России от коммунизма, иногда даже (напр. Биллингтон) связывающими с этой мечтой преувеличенные надежды».

Близкое представление о том что такое жанр интеллектуальной истории можно получить в недавно опубликованном в русском переводе курсе лекций эмигранта первой волны, профессора М.М. Карповича, прочитанном в Гарвардском университете. Карпович определял интеллектуальную историю как промежуточную сферу между от-

влеченностью философии и конкретностью политики. Отсюда следует, что данная сфера «может называться прикладной философией, то есть философией, понятой прагматически — не как набор абстрактных положений о человеке и вселенной, но как теория, приложимая к проблемам человеческой жизни, индивидуальной и социальной» [9. — С. 30]. Валицкий прямо не ссылается на Карповича, но нередко упоминает сходные по интонации подходы Мартина Малиа, Ричарда Пайпса, Лесли Чемберлен, Николая Рязановского, Марка Раева, Сергея Утехина и др. В жанре интеллектуальной истории исполнены также высоко оцениваемые Валицким остроумные, стилистически яркие и скорее публицистические, чем собственно научные, статьи о русских мыслителях Исая Берлина. Без всякого сомнения, Валицкий стал самым выдающимся на сегодня среди зарубежных россиеведов продолжателем жанра интеллектуальной истории России.

Эту статью уместно завершить словами Анджея Валицкого из его письма от 16.09.2017: «Для меня лично оживление интереса к моим работам и признание Вами их значения (а также возникновение какой-то личной связи между нами) важно также как доказательство того, что политика, к счастью, неспособна полностью овладеть научно-культурной сферой и личными отношениями порядочных людей. Я не был одинок в многолетних попытках противодействовать антирусским настроениям в Польше (часто очень искусственно раздуваемым), продолжаю делать это, но делу польско-русского взаимопонимания наносятся удары — совсем напрасные, но реальные. Но в таких условиях даже индивидуальные попытки «перебрасывания мостов» приобретают особое значение. В Польше такую роль играет, между прочим, замечательный и свободный от русофобии интерес к русской философской и политической мысли».

Литература

1. *Walicki A. Encounters with Isaiah Berlin. Story of an Intellectual Friendship.* — Frankfurt am Main, 2011.
2. Славянофильство и западничество. Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого / Пер. И.В. Душенко. — Вып. 1–2. — М.: ИНИОН, 1992.
3. *Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philodophy of the Russian Populists.* — Clarendon Press, 1969; 2-nd ed. — University of Notre Dame Press, 1989.
4. *Валицкий А. Философия права русского либерализма.* — М.: Мысль, 2012.
5. *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism.* — Clarendon Press, 1987; Notre Dame University Press, 1992.
6. *Walicki A. Zarys Mysli Rosyjskiej od Oswiecenia do Renesansu Religijno-Filozoficznego.* — Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2005.
7. *Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance.* — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. — 877 p.
8. *Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Transl. Hilda Andrews-Rusiecka.* — Stanford University Press, 1979. — 456 p.
9. *Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века).* — М.: Русский путь, 2012.